

Москвина

бывает американской или советской, или с приставкой «пост». Обыденность — те самые (вечные) «черствость, прагматичность, нетерпимость». «Ущербность» начинается тогда, когда ищут выход из обыденности.

Альма аплодировали. Ее выход оказался на удивление прост: она выбрала Вечность. Сердобольные кумушки в зале всхлипывали откровенно над этой простотой и шептались: «Но какая актриса!»

Актрисе, заставившей плакать, всего двадцать два года. Ее зовут Елизавета Москвина. Если быть более точным, Москвина-Тарханова.

Фамилия Москвиных связана с театром с 1896 года. В России появился актер Иван Москвин. Его родной брат Михаил (взявший себе сценическим псевдонимом фа-

Лиза от интервью долго отказывалась, говорила, что ее дело — играть. И все же...

— Как ты относишься к тому, что тебя всерьез хвалят?

— Только не надо об этом. Я вполне трезво оцениваю свои способности. Дай Бог когда-нибудь представлять из себя что-то интересное.

— Значит, в театре ты все-таки ученица?

— Нет, хватит учениц. Я — начинающая актриса.

— Тебе помогает фамилия?

— А почему мне должна помогать фамилия? Я вообще после школы поступала в МГУ, на географический. Географа все же не получилось, недобрала баллов. Когда пошла в ГИТИС, многие удивлялись: почему же это я не пошла к отцу, в школу-студию

Лиза МОСКВИНА: Как я играла Великого лягушонка

милию Тарханов) попал на сцену двумя годами позже. Объяснять, что значат для театра и его истории эти имена, мне кажется, глупо.

Их при жизни (в страшное, в общем-то, время) называли великими. Это были мастера мельчайших деталей и всеобъемлющей полноты. Немирович-Данченко называл братьев в одном ряду с Щепкиным и Давыдовым. Это были актеры, заставлявшие зрителей плакать (заставить рассмеяться все-таки, увы, проще).

Лиза — внучка Михаила Михайловича. Ее отец, Иван Михайлович, пошел по стопам своего отца. Сейчас он преподает в школе-студии МХАТ.

Династия (слово промкое, но синонима нет) — штука очень тонкая. Идущим вслед должно быть тяжелее отцов. Хотя бы потому, что отцы состоялись.

Лизе, наверное, повезло. Ее судьбу оберегают мастера. Одни и те же.

Владимир Андреев, нынешний художественный руководитель театра Ермоловой, заметил ее еще в ГИТИСе. Это он создал в своем театре студию, куда пригласил и Лизу, и ее одноклассников.

Выбрать Уильямса, кстати, предложила Наталла Хаджимуратовна Бритаева. Она преподавала в ГИТИСе актерское мастерство. И сейчас вместе со всеми в студии. Я редко видел подобное бескорыстное отношение учителя к своим ученикам.

А что же Лиза?

Наталла Бритаева:

— Несколько лет назад ее случайно пригласили на радио озвучить какую-то роль. Потом мне сказали ошарашенно: у этой девочки — большое будущее. Но я и сама это знала. Вообще Лиза — моя любимица. Я думаю, что эти слова будут правильно восприняты. Она талантлива не по возрасту.

МХАТ? А я просто хотела самостоятельности.

— Что бы ты хотела сыграть?

— Я бы сыграла всего Уильямса. Он очень тонок, «Вишневый сад» и роль Вари, кажется, тоже мои. Но только не надо торопиться. Пусть все идет своим чередом. Достаточно того, что я уже успела сделать кое-что в театре. То же, наверное, нескромно?

— А что в театре?

— Я здесь со второго курса. Участвовала в «Утиной охоте». В детском спектакле «Великий лягушонок» мне даже досталась главная роль. Но, самое главное, я знаю, что такое общение с залом. Вот где загадка...

Необходимое отступление. В начале века Немирович-Данченко, учитель Тарханова, отзывался о нем: «Михаил Михайлович любит с публикой поиграть». На что Тарханов отвечал: «Люблю, черт возьми. Дурная привычка». Привычкам свойственно повторяться?

— Тебя не приглашали сниматься в кино?

— Приглашали, но приглашениями все и заканчивалось. В том кино, которое сейчас практикуется, я сниматься не буду. Не хочу, чтобы мне когда-нибудь было стыдно. Хотя... Это кино меня искренне забавляет. Особенно когда героиня снимает шапку, и ты понимаешь: через две минуты она снимет все.

— Ты плохо воспринимаешь постельные сцены?

— Просто все должно быть оправданно. И красиво.

— Ты можешь сформулировать свое отношение к нынешнему театру?

— Зачем? Театр — слишком большая загадка, чтобы о ней говорить похода.

Русский театр всегда был храним своей тайной. Что за тайна?

С. БЕРЕСТОВ.
Фото М. МАРМУРА.

Она появилась на сцене незаметно и тихо. И тихо спросила: «Знаешь, как зовут этого ангела?» Ангел возвышался над всеми. Но никто из зрителей еще не знал, что по пьесе ему уготована непонятная роль: укрывать фонтанчик с питьевой водой. Ангела все равно звали Вечность. Ее — Альма.

Это был странный спектакль. Теннесси Уильямса («Лето и дым») в тесном малом зале театра Ермоловой играли выпускники ГИТИСа 92-го года. Странный хотя бы потому, что именно они возвращали нам американского драматурга. О героях Уильямса (который вроде бы существовал, но был чересчур «буржуазный») у нас отзывались как об «одиночках, часто ущербных, но поэтических натурах в черством, прагматичном и нетерпимом окружении».

Альма (одинокая, поэтическая, беззащитная) искала свой выход из одуряющей обыденности. Обыденность не